О КНИГЕ НАДЕЖДЫ ЯРЫГИНОЙ «СЛУЧИЛОСЬ НЕЧТО…»

Надежды Ярыгиной уже нет с нами. Прикасаясь к её второй и последней прижизненной книге, хочется вновь услышать задорные нотки её голоса и в очередной раз посмотреть на мир её глазами.

Поэзия Надежды Ярыгиной всегда была особенной: ироничной, неограниченной, жизнерадостной и… неправильной. Эта «неправильность» ставила в тупик, не позволяла относиться всерьёз, заигрывала с читателем, пленяла редакторов и ревнивых профессиональных поэтов. Большое, как известно, видится на расстоянии. Наверное, пришло время высказать некоторое мысли по поводу книги «Случилось нечто…», чтоб увидеть корни этой «неправильности» и разобраться, а был ли, собственно, мальчик. Постараемся (не надеясь на абсолютность) осмыслить такое явление как поэзия Надежды Ярыгиной. В том, что эта поэзия представляет собой явление (или особый феномен), сомневаться не приходится.

Стихотворения Надежды Ярыгиной крайне специфичны, они произрастают не столько из литературной традиции (здесь сложно найти хоть кого-нибудь похожего), сколько из изобразительного искусства. Надежда Ярыгина – прежде всего художник, дизайнер, то есть создатель видимого, а подчас и тактильного искусства, принципы которых она использовала и в своей поэзии. Здесь-то и кроется та самая «неправильность». Каждое её стихотворение – это картина, написанная акварелью, коллаж, инкрустированный мутными «обмылками» стекляшек и байкальской галькой, панно или вязаный шарф.

Наперекор Лессингу (а может быть, по-своему соответствуя), разграничившему принципы художественного изображения, Надежда Ярыгина перенесла одно в другое и создала беспрецедентную стилистику, используя видимые, яркие образы, обладающие цветом, ароматом, вкусом, движением. Поэзия Надежды Ярыгиной, пользуясь свободой изображения словесного творчества, максимально вещественна.

Начав с вполне традиционной поэзии, Надежда Ярыгина вскоре поняла, что рамки традиционного стихосложения – та же клетка для птицы, а потому ушла в верлибр. «Случилось нечто…» как раз и представляет собою сборник верлибров.

Название книги говорит само за себя. «Случилось нечто…» – короткое, интригующее заглавие. Оно, словно надводная часть айсберга, скрывающая в пучине человеческого сознания куда большее, чем кажется.

Слово «случилось» заявляет о самостоятельности случая, об отсутствии субъекта, а значит о самоценности и правильности «случившегося». «Нечто» выражает невозможность определения «случившегося», его невыразимость словами, священную торжественность и благоговение перед случаем (а из случаев, как мы понимаем, и состоит жизнь). Таким образом, можно говорить о благоговении и торжественности каждого мгновения, о безмерной благодарности жизни за самоё себя (первое же стихотворение сборника, кстати, давшее ему название, даёт самый яркий пример этого «нечто» – рождение). Многоточие же – не обрывает фразу, а лишь обозначает невозможность завершения, бесконечность смысла. Заголовок – не посыл в космос, но – отражение космоса в ограниченном языке.

Ограничения языка Надежда Ярыгина преодолевает через овеществление поэзии. Парадоксально, но невозможность определения через слово заменяется возможностью слова влиять на сознание, передавать ощущения, свойственные визуальным видам искусства. Кстати, поэтика Надежды Ярыгиной не сводится только к словесному изображению: важными составляющими книги являются авторские «каллиграффити» (рисунки-надписи) – так оформлен заголовок и несколько коротких стихотворений, причём рисунок дублирует стандартно отпечатанный текст.

Вследствие визуализации стихи Надежды Ярыгиной полны деталей, штрихов, характерных не для усердного художника-копииста реальности, а для художника, выражающего суть предмета в образе. Любовь к деталям – отличительная черта поэзии Надежды Ярыгиной: её стихи то размыты как полотна импрессионистов:

Начинается всё с банального нарциссизма,
после чего получается приболеть то ландышизмом, то тюльпанизмом.

то фокусируются на конкретном предмете, словно выхватывая его из тумана и оживляя:

Июнь – конкурс на самые белые ноги.
Июль – конкурс на самый красный шелушащийся нос.
Август – на самый синий от черники язык.

то собирают в гомонящий калейдоскоп несколько образов:

Прижились-примелькались среди птиц-стрекоз-мотыльков.
Прикупались-принырялись в Байкале.
Приворожились-приласкались к звёздному небу.

Надежда Ярыгина видит в каждом предмете реальности душу, «нечто», явление «случая», загадку. Через предмет просвечивает «нечто»:

то, что неназываемо. Каким же способом достигается подобный эффект? Отметим три способа, особенно любимые автором – объединение индивидуальных конкретностей в группы (птиц, цветов, камушков):

думала листопад
а это рыжие бабочки
не налетались

абстрагирование:

надежда, я вера
надо встретиться
поговорить о любви

наблюдение за движением в природе:

Впадая в Байкал, мурлычет речка Котинка –
она родилась в горах и вприпрыжку бежит
через рыбацкий посёлок Большие Коты.

или:

Прилетают дикие гуси – их не слышно и не видно:
спокойно брачуются-гнездуются в укромных лугах-водоёмах.

Последнее является созерцанием-чувствованием живой, «движущейся» природы. Мир не пассивен, мир деятелен, а человек лишь наблюдатель-созерцатель «случая» и, вместе с тем, его же результат. Чувствуется интимное и деликатное отношение автора к написанным образам. Общая невыразимость иллюстрирует спаенность мира, его неразделимость на составные части, единство и красоту получающейся картины:

От осеннего равноденствия до весеннего
От зимнего солнцестояния до летнего
Круговорот красоты в природе

Но кроме ограниченности слово обладает и своими характерными возможностями, Надежда Ярыгина их тоже использует. Например, автор играет словами, но играет как художник, а не филолог, что позволяет читателю увидеть обыденные вещи под совершенно удивительным ракурсом:

Белокурых детей находят в белокочанной капусте,
рыжих – в краснокочанной.

Стоит упомянуть и о фонетической стороне поэзии, которая у Надежды Ярыгиной также оригинальна. Довольно часто звуковая оболочка слова выражает в стихах разные оттенки иронии:

зачем ты так милая птичка
в парке гуляют люди
в парке нет туалетов
а ты щебечешь пись-пись пись-пись

или

Пойдёшь направо – дети-художники:
когда рисуют собор, называют его «церквуха».

и даже так:

…Ей после наркоза кажется,
что она девочка, и к ней обращаются не «бабуся», а «Дуся»…

Конечно, этим не исчерпывается поэтика Надежды Ярыгиной (не говоря уж о тематическом разнообразии), но красной нитью чрез всё «Случилось нечто…» проходит твёрдая уверенность автора: главное – уметь, «впадая в Байкал», «разжигать интерес к деталям». И с этим нельзя не согласиться.